

Анна Данилова
Гламурная невинность
Серия «Детектив Юлия
Земцова», книга 14

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183847
Гламурная невинность: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-31953-4*

Аннотация

Надя улыбалась всем, эта тихая воровка чужого счастья, избалованная вниманием и женщин, и мужчин. Походя завоевывала мужские сердца, пленяя их с чарующей небрежностью. Но как она посмела посягнуть на моего любимого? Да и зачем? У нее есть свой! Юная ведьма за все заплатит!.. И вот теперь Надя разбилась, упав с обрыва. Несчастный случай или убийство? Жених чертовки мечется от горя, а мне страшно: не стать бы подозреваемой номер один. Ведь за дело взялся самый успешный детектив города, Юлия Земцова. Как доказать, что я не убивала?..

Содержание

Глава 1	10
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	55
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Анна Данилова

Гламурная невинность

Дорогой читатель Митес!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое вечное счастье!

Учитесь, познавайте и
используйте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (фигура)

Она проснулась и села на постели. Сердце бухало в гру-

ди, в горле застряло еще одно сердце, внизу живота — еще одно... Она была несчастна, это и разбудило ее, как резкий звонок в дверь. Как невыносимо громкий звонок по телефону. Ее всю трясло, она даже боялась повернуть голову, потому что знала — рядом, на подушке, где должна быть его голова, — холодная пустота. Лишь едва приметная вмятина. Он был здесь, он же не приснился ей, но сейчас, когда он думает, что она спит, его нет. А она уже и не спит. И никакие снотворные не помогают ей провести долгие ночные часы в небытии, неужели она так и будет маяться все ночи напролет в то время, как он, ее любовь, отдаст себя без остатка другой женщине? И где? Всего лишь в нескольких шагах от нее... Каким же жестоким надо быть, чтобы так поступать с ней! В груди жгло, словно кто-то невидимый разжег прямо на нежной коже костер. Маленький убийственный костер. Смертельный костер. Почему бы не признаться ей в том, что он любит другую женщину, и не разорвать разом все отношения? Чего он боится? Осложнений? Ах, да, она же совсем забыла, что мужчины не любят осложнений. Не любят они и ясности в отношениях. У них слишком много мостов, чтобы сразу, одним нажатием пальца на сухую и блестящую поверхность зажигалки, сжечь их все. Слишком много возни, неприятных минут и, быть может даже, сожалений. А вдруг я сделал что-то не то? А вдруг я поторопился, и этого не следовало делать? Пусть все идет, как идет. Пока все терпят. Пока терпит она, преданная

ему женщина, только и ждущая, когда же он позовет ее замуж. Он и звал, но в последние дни что-то перестал даже говорить об этом, словно и не было планов на будущее, не было списка приглашенных на свадьбу гостей, не было приятных и утомительных походов по мебельным магазинам... Все их маленькое шкатулочное будущее, до последнего момента казавшееся ей несбыточным, нереальным, фантастичным, как детский сон, сейчас приобретало черты грубого и циничного надувательства, и дело, как она подозревала, было не в мужчине, который сломал ей большой кусок жизни и теперь собирался ломать и дальше – с хрустом и кровью, а в той беспринципной особе, что пригласилась за стеной и теперь жадно прибирала к рукам чужое счастье. И это при всем при том, что эта особа была счастлива и так, без этих ночных свиданий, без этого воровства, ей и без того хватало и женского счастья, и того благостного ожидания другого мужчины, который обещал ей более полное человеческое счастье, называемое браком. Она собиралась замуж, эта воровка, эта тихая на вид и улыбающаяся всем и вся худенькая, избалованная вниманием мужчин женщина. И что самое удивительное, она совершенно ничего не предпринимала, чтобы понравиться мужчинам. Эта женщина была небрежна в обращении с ними. Небрежна к своей вечно растрепанной прическе. Небрежна в своих словах, в растянутых на груди, очень глубоко, пуговицах, в словно порванных снизу доверху широких юбках... Небрежна

даже в постоянно развязывающихся кожаных шнурках открытых греческих сандалий. Небрежный завиток, небрежно наложенные – кофе с молоком – тени вокруг глаз, небрежно намазанная жирная помада на небрежно сотворенных самой природой губах... Вся эта небрежность заводила мужчин, заводила и ее мужчину, того самого, ради которого она могла бы пойти на многое...

Она провела ладонью по остывшей подушке. Бывает остывшее молоко. Остывшие деревья под дождем. Остывшие тела в саване. Но страшнее всего вот эта белоснежная подушка. словно заледеневшая – приложи ладонь и поддержи подольше, растает и останется на поверхности глубокая, с рваными ледяными краями пятерня...

И что делать? Плакать? Где взять столько слез? Глаза и так по утрам покрасневшие, воспаленные, предательски выдающие бессонную ночь. Закапать истерику и объясниться? Тогда она потеряет его совсем. Так он хотя бы живет с ней, завтракает, ужинает, несколько часов спит рядом. А что будет, если он уйдет? Тогда, сколько ни плачь, его все равно не вернешь. Может, заставить себя не думать о нем? Забыть его? Но тогда жизнь потеряет всякий смысл. Она прочитала много любовных романов и отлично знает, чем это кончается. Разрезанными нервным движением венами. Теплой кровью, заливающей колени, полы... Нет, она на это не способна. Хорошо, хоть родилась такой жизнелюбивой, на редкость...

Она замерла, подняла голову, чтобы слышать каждый шорох, каждый звук. Он возвращается. Она погасила свет, легла и замерла. Он возвращается, и она должна благодарить бога за это. Вот... Все... Лег рядом. От него полыхает, как от печки. Он весь горит. Она знает, что стоит ей прикоснуться к нему, как она почувствует его повлажневшую кожу. Он остывает от той, другой женщины. Зачем пришел? Там бы и оставался. Неужели думает, что она не заметила его отсутствия? А ведь его не было почти два часа! Они сначала говорили, быть может, пили чай или вино, а потом... У той большая квартира, большая спальня, большая кровать, большие простыни, большие подушки, а сама такая маленькая, бесстыдная, да как же она могла вот так... Один небрежный ее поцелуй, и мужчина у ее ног, он поцелует каждый ее пальчик, так, как умеет обращаться с женщинами только он, и она, его невеста, думала, что знает это лучше других женщин. Как же она ошибалась! Он только отрабатывал на ней каждое свое движение, оттачивал, чтобы продемонстрировать на той, другой женщине, все равно мало ценящей его любовь. А наутро та заглянет к ней в своем небрежно накинутом халате и скажет, что у нее кончилось молоко, а пить кофе без молока она не может, привычка. И посмотрит на свою соседку бесстыжими глазами. Как так можно жить? Смотреть? Говорить? Убить ее мало...

А он кинется к холодильнику, достанет коробку с мо-

локом и протянет ей с бесстрастным видом, если получится. Она – бесстыдная, он – бесстрастный. Все ложь... Убить ее мало... Небрежно застрелить. Небрежно зарезать. Небрежным движением руки всыпать в чашку с кофе с молоком яд. Небрежно перешагнуть через ее небрежно раскинутое на полу тело и небрежно вызвать милицию, мол, забирайте, а то трудно ходить по квартире, когда под ногами...

Она порывистым движением прильнула к мужчине и обняла его. Он никак не отреагировал, не шевельнулся, не поймал ее ладонь, чтобы прижать к своему липкому от пота, чужого пота, телу... Он был мертв сейчас для нее. Ему требовались долгие часы, чтобы накопить мужскую силу.

Убила бы...

Глава 1

– В Багдаде все спокойно, – сказала Юля Земцова, отодвигая от себя старый, потрепанный блокнот с записями прошлых лет. – Это хорошо, что никто не звонит, никто не приходит, значит, в городе действительно все спокойно. Солнышко светит. Люди валяются на пляже. Или работают в прохладных, с кондиционерами, офисах. Ты, красавица, не молчи, если начнешь рожать. Тебя послушать, так ты и сама толком не знаешь, когда у тебя срок. Завралась совсем. Кому врала-то – себе или врачам?

– Запуталась, – отмахнулась от нее прикорнувшая в кресле округлившаяся и похожая на раскормленную лисицу Таня Бескровная. – Вроде через два месяца рожать. Но ты взгляни только на мой живот. Удивляюсь, как я еще перемещаюсь по приемной.

– Не только ты удивляешься. Тебе Виталий что сказал? Сиди дома, жди прибавления в семействе.

– Вот пусть он там, в своем зубодробильном аду, и ждет. Терпеть не могу стоматологов...

– Минкин – твой муж, между прочим, – заметила Юля и улыбнулась. Ей так нравилась эта бесстрашная Бескровная, что она порой спрашивала себя, правильно ли, что в прокуратуре работают в основном мужчины, и что было бы, если бы раскрытием преступлений занимались женщины? Они

более ответственные, всегда доводят дело до конца, не так продажны, как мужчины, мало пьют по сравнению с мужчинами, лучше их разбираются в психологии и более тонко подходят к причине, побудившей человека совершить преступление. Разумеется, когда речь идет не о бытовой драке, закончившейся убийством, не о последствиях пьяной разборки и, конечно, не о заказном убийстве какого-нибудь бизнесмена или политика. Эти преступления не представляют собой интереса, они грубы, просты и просчитываются в два хода. Хотя таких большинство...

Таня же Бескровная, в свою очередь, искренне радовалась, что находится в компании Земцовой, женщины, всегда вызывавшей в ней неподдельный восторг и уважение. Юлия, как всякий умный и уверенный в себе человек, была проста в общении, с ней и работать легко, и говорить по душам. Она многое понимала, буквально любую мысль схватывала на лету и с легкостью строила свои версии или домысливала чужие. Внешне производящая впечатление счастливой женщины, она, как предполагала Таня, где-то в глубине души все равно оставалась несчастной. История ее любви к Крымову, их развалившийся по причине его неверности брак и новое, скоропалительное замужество (теперь Юля была женой француза Патрика Дюваля, ничем не примечательного, хотя и доброго человека, хрестоматийного буржуа, с которым она вместе с дочкой большую часть времени проживала в пригороде Парижа) научили ее скрывать свои чувства и не

растрачивать их попусту. Так, чтобы лишний раз не травмировать себя, она старалась приезжать в Россию в то время, когда здесь нет Крымова. Не всегда это получалось. И когда все-таки они встречались, она делала все возможное, чтобы не замечать его. Крымов же, сжигаемый ревностью и всячески пытавшийся вернуть любовь своей бывшей жены, всякий раз терпел поражение – Земцова его не замечала. Или делала вид, что не замечает. За то время, что прошло с момента их развода, Крымов, делец от политики и, как подозревала Таня, авантюрист международного уровня, успел побывать близким другом такого количества женщин, что его недавний роман с бывшей женой Шубина, Женей Жуковой, воспринимался всеми, кто его знал, просто как очередной виток его бурной личной жизни. Отношения Крымова с Женей оборвались на самом пике своего развития – это совпало с приходом Земцовой, и Таня до сих пор не могла понять, доложил ли кто из общих знакомых Юле об этом скоропалительном романе или нет. Во всяком случае, Юля держалась так, как если бы ничего не знала. Хотя уж слишком скандальным был этот роман, возникший, как показалось Тане, как протест, как ответ Жени Жуковой Шубину, бросившему свою жену в самый тяжелый момент ее жизни – в пору материнства. Правда, появившись Крымов на пороге Жениной спальни в другое время, кто знает, справилась бы она тогда со своими чувствами, нашла бы в себе силы отказаться от него... Ведь Крымов, как подозревала Таня, в начале очеред-

ного романа всегда искренне любил женщину и привязывался к ней в очень короткое время, как если бы и в самом деле собирался жениться на ней. Он расточал ей комплименты, заботился о ней, уделяя ей столько внимания, сколько она не получала его, быть может, за всю свою жизнь. Он принимал такое участие в ее жизни, так помогал ей во всем, что касалось ее насущных проблем, что не поверить в искренность его чувств было просто невозможно. Редкая женщина не попадала под его обаяние, не желая признаться себе в том, что она в его жизни – лишь очередной эпизод, следующая по счету жертва. Да и разрыв-то с Крымовым происходил, как правило, по инициативе женщины, не хотевшей и дальше чувствовать себя обманутой, не хотевшей делить своего пылкого любовника с другой женщиной, потенциальной соперницей. Не обошел своим вниманием Крымов и Таню Бескровную. Он так активно ее домогался прямо накануне ее свадьбы с Минкиным, что она сама чуть не поверила в то, что Крымов любит ее. Надо признаться, что она все же вовремя вышла замуж, вовремя забеременела и... вовремя опомнилась. Ничего не было, да и быть не могло. А если и было, то началось и закончилось в стенах агентства, и свидетелями их нарождавшегося романа были стены, окна да холодный зимний дождь, струящийся по темным стеклам...

При воспоминании об этих коротких, полных наслаждения встречах, Таню бросало в жар, и она начинала подумывать о том, что была бы счастлива носить под сердцем ребен-

ка Крымова, а не Минкина. Думала и одновременно испытывала жгучий стыд.

Но время шло, Крымова в России уже давно не было. Женя Жукова, оправившись после развода с Шубиным и разрыва с Крымовым, отправилась с сыном в Крым – зализывать раны. Таня знала, что и Шубин, и Крымов оставили ей достаточно денег, чтобы она отдохнула и набралась сил после перенесенных потрясений. И хотя Шубин не любил вспоминать историю с разводом, поскольку для него она теперь прежде всего ассоциировалась с предательством Крымова, но никак не с его собственными ошибками (которые, надо сказать, и толкнули Женю в объятия Крымова), Таня все равно была в курсе его личных и семейных проблем. Так случилось, что максималистка от природы, Таня в последнее время сильно изменилась, научилась быть более гибкой, терпимее стала относиться к компромиссам и понимала, что набралась этого от мужа, Виталия Минкина. Видимо, решила она, именно такой муж ей и был нужен. И хотя после их знакомства прошло довольно много времени, она старалась не вспоминать о том, какой образ жизни вел Минкин до того, как принял решение жениться на Тане, и что его романы с медсестрами в стоматологической клинике – всего лишь дань молодости и той мужской вседозволенности, которая и отличала сильный пол от слабого.

Итак, Крымов проворачивал в Европе свои, только ему известные, дела. Шубин работал в Петербурге, куда отпра-

вился по просьбе клиента. Женя Жукова отдыхала в Ялте. В агентстве, принадлежащем Юлии Земцовой, оставались только две женщины – сама Юля и беременная, на сносях, Таня Бескровная.

Юля просматривала свои старые дела, подшивая их в папки и приводя в порядок. Таня уже в который раз кипятила воду, чтобы сделать себе чай с молоком – в последнее время это стало ее любимым напитком. За окном плавился асфальт – стоял июль, самая жаркая летняя пора. В приемной работал кондиционер, поэтому, быть может, женщины не испытывали неприятных ощущений от жары. И только лень сладкой волной обволакивала их, сближала, и обе одновременно подумали о том, как же это хорошо, что Шубин догадался везде, где только можно, расставить большие кожаные диваны. Они переглянулись, как бы спрашивая друг у друга разрешения прилечь и поспать. Юля успела даже скинуть туфли, чтобы вытянуться хотя бы в кресле, как вдруг раздался телефонный звонок.

Таня взяла трубку.

– Слушаю, – сказала она с придыханием, как человек, которого только что разбудили, разве что не зевнула в трубку. – Говорите.

Она послушала еще немного, после чего кивнула головой:

– Хорошо, приходите, – она отключила телефон и посмотрела на Юлю. – А ты говоришь, что в Багдаде все спокойно. Ан нет. Молодой человек по фамилии Хитов. Приехал из

Москвы. У него к нам дело.

– Нервничал? – Юля все же прикрыла глаза. – Пока это он доедет...

– Сказал, что через десять минут будет. Он на машине, здесь, рядом... Спрашивал Крымова, – последние слова она произнесла чуть слышно, словно извиняясь.

– Если Крымова, то ему придется подождать до завтра.

– Как это? – не совсем поняла Таня, хотя от одного упоминания о Крымове сладкая волна прокатилась где-то внутри ее, как приятное воспоминание о радостных и счастливых днях. Покраснев, она не посмела переспрашивать.

– Он прилетит сегодня, – спокойно ответила Юля, не открывая глаз. Белый льняной костюм подчеркивал ее легкий загар. Стройные ноги, казалось, отдыхали, вытянувшись, розовые туфли-лодочки замерли возле красивых узких ухоженных ступней, касающихся толстого ворса синего ковра. Таня, глядя на Земцову, вдруг отчаянно захотела вернуть себе былые стройность и легкость. Она погладила свой круглый живот и тяжело вздохнула.

– Не вздыхай, не на всю жизнь, – все так же, не открывая глаз, ответила на ее немое сожаление Юля. – Еще пару месяцев потерпишь, а там уже все будет зависеть только от тебя. Много не ешь, двигайся... Я слышу звук подъезжающей машины...

Она открыла глаза, сунула ноги в туфли, поднялась и пригладила свои растрепавшиеся длинные светлые волосы.

– Хочешь, говори ты, а я послушаю. Представь себе, что меня нет... Что никого вообще нет.

– Лучше ты. Тем более что ему нужен Крымов.

– Если так принципиально...

Но она не успела договорить. В дверь позвонили, и вскоре в приемную вошел приятной наружности светловолосый молодой человек. По цвету его кожи было нетрудно догадаться, что в это лето ему так и не удалось ни отдохнуть, ни позагорать. Озабоченный взгляд темных глаз. Маленькая родинка слева над верхней губой. Очень милая. Бежевые брюки, белая рубашка, светло-коричневые ботинки. В руках – тонкая кожаная папка.

– Если вы конкретно к Крымову, то он будет лишь завтра, он прилетает этой ночью, – сказала Юля, внимательно разглядывая посетителя. Она сразу поняла, что у него случилось что-то серьезное. Он явно кого-то или что-то потерял. Состояние шока все еще читалось в его глазах, хотя он старался держать себя в руках.

– Время дорого, – коротко пояснил посетитель. – Я только что из прокуратуры, они, похоже, и не собираются заниматься этим делом.

Он говорил так, словно все вокруг понимали, о ком или о чем идет речь.

– Они говорят, что это несчастный случай, смешно, ей-богу... Понимаю, конечно, туман и все такое, но она слишком боялась высоты, чтобы подходить к краю обрыва. Ее столк-

нули оттуда, это же ясно...

Он посмотрел на размякшую в кресле Таню Бескровную и, не дожидаясь приглашения, сел напротив.

– Не представляю себе, как можно вот так относиться к своим обязанностям. Если бы это случилось с близким ему человеком, он всех бы поднял на ноги, ведь так?

– Что случилось? – сочувственным тоном спросила наконец Земцова. – Кого-то столкнули с обрыва? Вашу девушку?

– Да, ее зовут Надя. Я познакомился с ней в Москве... Я мало знал ее, но могу точно сказать – она боялась высоты. И она никогда, понимаете, никогда не поднялась бы сама на вершину этого обрыва. Я ездил туда вчера вечером. Пытался найти свидетелей, но, как назло, никто ничего не видел и не слышал. Вчера было четырнадцатое, сегодня уже пятнадцатое. Я приехал на своей машине тринадцатого утром, выехал двенадцатого из Москвы... Если бы я появился чуть раньше, она не отправилась бы туда, дождалась меня... И вообще эти звонки, она звонила мне и просила приехать пораньше, но я не мог, я хотел как лучше, там ремонт и все такое... Искал подходящую квартиру... Я же не знал, что ей угрожают, что все так серьезно. И, заметьте, ее убили тринадцатого. Как вы думаете, это тоже случайно?

Юля встала, достала из холодильника водку.

– Но главное, это... – с этими словами молодой человек достал из кармана смятый конверт. Дрожащими руками открыл его и достал еще более мятый листок. – Вы только про-

читите... Кстати, я достал его сегодня из ее почтового ящика. А вы говорите, что наша прокуратура работает. Нет, им выгодно считать это несчастным случаем, это же понятно... Вы почитайте, почитайте... Она знала, куда ее везут, знала! Она знала, ей было страшно, она звала меня, ждала, а я опоздал...

Он вдруг обвел взглядом присутствующих в приемной женщин. Затем взял в руку предложенную рюмку с водкой и сделал несколько нервных глотков. Закашлялся.

– Моя фамилия Хитов. Александр Хитов. Вот, почитайте.

На листке женским почерком было выведено: «*Меня убили на Ивовом острове*».

Глава 2

– Для начала вам просто необходимо успокоиться. Я понимаю, конечно, что водка сейчас не самый лучший помощник, но вас всего колотит... Боюсь, что, рассказывая нам о своей девушке, вы пропустите самое главное. Может, все-таки кофе?

Хитов согласился на кофе. Таня Бескровная, из-за беременности испытывающая постоянное чувство голода, решила, что и бутерброд с сыром тоже не помешает посетителю прийти в чувство и собраться с мыслями. Земцова же принялась обстоятельно расспрашивать Хитова обо всем, что он знал о смерти Нади Газановой, как звали погибшую девушку. И хотя Александр говорил много и сбивчиво, картина вырисовывалась довольно ясная. В начале июня Хитов познакомился в Москве с девушкой по имени Надя. Встреча произошла в театре Райхельгауза, куда Надя пришла одна, чтобы посмотреть довольно скучную пьесу со Стекловым в главной роли. Хитов тоже пришел один, но не потому, что ему доставляет удовольствие одному ходить по театрам, просто его любовница (он так и назвал свою бывшую пассию по имени Рита любовницей) почему-то не смогла прийти, причем не явилась, даже не предупредив Александра об этом. Он так до начала действия и искал ее глазами в зале, думал, что она просто опаздывает. Александр и Надя встретились в фойе

после первого действия. Там в это время раздавали бесплатно кофе, шла рекламная кампания одной известной немецкой фирмы, и девушки в коротких клетчатых юбках разносили крохотные стаканчики и предлагали попробовать кофе.

— Даже тогда я еще пытался разыскать в толпе Риту, — признался Хитов, отпивая кофе, приготовленный Таней Бескровной. — Но потом понял, что это бессмысленно. Еще я никак не мог понять, что ей мешало позвонить мне и предупредить о том, что она не придет. Тогда бы мне не пришлось слушать бесконечный монолог Стеклова. Честное слово, я перестаю любить театр. Собственно, об этом я и сказал подошедшей ко мне девушке, попросившей меня поддержать ее стаканчик с кофе, так как ей беспрестанно звонил телефон и со стаканом в руках она не могла ответить. Девушка была очень хороша собой, но какая-то странная. Понимаете, у нее взгляд был словно обращенный куда-то внутрь себя, она присутствовала здесь, в этом набитом людьми фойе, а мыслями находилась очень далеко. И одета она была тоже необычно. Серое платье, довольно короткое, позволяющее продемонстрировать на редкость стройные ноги, на плечах же висела зеленоватая, с причудливым растительным орнаментом шаль. Причем казалось, что девушка неловко себя чувствует в ней, постоянно поправляла ее, сползающую вниз. Думаю, не будь у нее определенных обязательств перед той, кто подарил ей эту шаль, она бы сунула ее в первую попавшуюся урну. Шаль эту подарила ей ее мать, художница, буквально

пару месяцев тому назад переехавшая из Саратова в Москву со своим новым молодым мужем.

Хитов с Надей познакомились, разговорились и решили не возвращаться в зрительный зал. Надя тоже пожаловалась, что тоскует по тому времени, когда спектакли ставили с красивыми дорогими декорациями, и что то, что теперь происходит с театром, – никакое не новое веяние, а обычная экономия, халтура, и что зрителя все равно не обманешь...

Хитов перевел дух и усмехнулся своим мыслям, затем продолжил:

– Мы о многом беседовали с Надей, когда подъехали к ее дому и отпустили такси – я предложил ей прогуляться, и она не отказалась. Мы еще долго говорили о спектакле, о театре вообще, и так получилось, что мнения наши совпадали. Мне это было приятно. Но еще приятнее было смотреть на Надю, на ее задумчивое лицо, на раскосые глаза, на ее постоянно сползающую шаль, которую она измучила, натягивая на свои узкие плечи и которой как-то нервно прикрывала полную грудь. Да, при всей своей хрупкости она была очень женственна, и мне хотелось ее обнять, что я потом и сделал... Я взял ее за руку и уже не мог от нее оторваться. Не помню, сколько мы с ней гуляли, у нее были узкие туфли на каблуках, так вот, время от времени она снимала их, такая непосредственная, и шла по асфальту в тоненьких чулочках, она казалась такой беззащитной... Мы много говорили, и скоро я узнал, что и она тоже художница, правда, не такая перспек-

тивная и известная, как ее мать. Что у нее в семье все художники, только дед – врач. Ее мать сама расписала эту шаль и подарила дочери, вот почему Надя не могла так просто от нее отделаться. Говорю же, сама непосредственность...

– А что было потом? Она уехала?

– Сначала мы поехали ко мне. Я не мог смотреть, как она рискует заболеть, гуляя босиком по асфальту. Не мог, не смел долгое время предложить ей переночевать у меня... К ней же поехать... Понимаете, у нее там мать, отчим... Я хотел провести с ней остаток ночи. Просто быть рядом, и все, поверьте. Но я обманывал сам себя. Она же и здесь повела себя естественно, нисколько не заботясь о том, какое у меня сложится о ней мнение.

– Вы провели вместе ночь? – Юля безжалостно задала один из конкретных, но определяющих их отношения вопросов, даже не взглянув в глаза Хитову. – После чего вы решили, что не сможете жить без этой девушки...

– Конечно, можно опошлить все... – В его голосе прозвучала обида.

– Я не собиралась ничего опошлять, мне нужны факты, Саша, – более мягко, но в то же самое время по-деловому заметила Юля. – Ведь вы пришли к нам сюда не для того, чтобы рассказать историю вашей любви, а для того, чтобы убедить нас в том, что Надя была убита, но чтобы понять мотив, нам надо как можно больше знать о жертве. Кроме того, если окажется, что ее действительно убили и мы найдем

этому подтверждение, вы должны будете заплатить нам как за предварительное расследование, так и за непосредственно следствие...

Хитов, казалось, тотчас протрезвел.

– Да, вы совершенно правы. Я отнимаю у вас время... Я хотел сказать, что готов заплатить, у меня есть деньги, я хорошо зарабатываю. Представляю, как смешно я выгляжу, рассказывая вам о своей ночной прогулке с Надей по Москве. Но я так любил ее, мне так хочется кому-то все рассказать, чтобы пережить это вновь. Я не верю, что ее нет в живых...

– Вы были в морге?

– Нет, я еще нигде не был. Я как приехал, поставил машину возле ее дома, поднялся и позвонил. Долго звонил, мне никто не открывал, пришлось снять номер в гостинице, ведь я за время дороги устал, ключа у меня от Надиной квартиры, понятное дело, не было. Я очень удивился, потому что был уверен, что Надя дома и ждет меня. Правда, она думала, что я приеду четырнадцатого, я ей сказал по телефону. Так вот, вечером того же дня, то есть тринадцатого, я опять приехал на квартиру, долго звонил, и снова мне никто не открыл. И только на следующий день, уже ближе к обеду, когда я стоял перед дверью, звонил, не зная, что и думать и где ее искать, на шум вышла ее соседка. Мы познакомились, ее зовут Таня. Таня Орешина. Симпатичная такая девушка. Знаете, у нее глаза были заплаканы. А уж после того, как я предста-

вился, она внимательно на меня посмотрела и сказала, что ей следовало бы узнать меня сразу, по родинке, она видела мою фотографию у Нади, а потом и вовсе разрыдалась, и я понял, что с Надеждой что-то случилось... Таня сказала, что Надя погибла. Что это случилось вчера, как раз в день моего приезда. Дальше все было как во сне, только в кошмарном сне. Она сказала, что тринадцатого, то есть вчера, ну да, вчера она сказала, что это было вчера, ведь вчера было четырнадцатое... Словом, они поехали компанией на остров. На Ивовый остров.

И тут Хитов замолчал. Он смотрел на Земцову, потом перевел взгляд на Таню.

– Что это за остров?

– Ивовый! Вообще-то это не совсем остров, хотя у нас его все зовут островом... Это полуостров, он соединяется с берегом узкой, выложенной битым красным кирпичом тропой, а дальше тропа, но уже дикая, заросшая травой, сразу резко поднимается вверх... На острове есть пляж, и только в одном месте растут ивы, много ив... Хозяин Ивового острова построил вдоль берега маленькие деревянные домики, провел электричество, еще дает напрокат палатки, электрические плитки, одеяла, постель... Но когда надо разжечь костер, все отправляются на «континент», как раз к тому обрыву, куда ведет тропа, по краям которой растут большие деревья...

Юля представила себе Ивовый остров таким, каким она

помнила его несколько лет тому назад. Очень красивый остров с живописно растущими вдоль дальнего берега ивами. Они полощут в воде свои зеленые космы... Тонкие серебристо-зеленые листья блестят на солнце... А над ними плывут в голубом прозрачном воздухе белые, какие-то молочные облака. Трудно представить себе место, более неподходящее для смерти. Хотя разве есть места, предназначенные для смерти? Разве что темные переулки, безлюдные посадки на окраине больших городов, пустыри, где обитают бездомные люди и одичавшие собаки... Она поймала себя на том, что пока и сама не готова говорить непосредственно о том, как погибла девушка с таким теплым и домашним именем *Надя*.

– Что рассказала вам соседка?

– Сказала, что тринадцатого, как я уже говорил, в день моего приезда, но только рано утром, они – их была целая компания – собрались на этот остров. Заняли там домик, взяли палатку и разместились... Мужчины сначала ловили рыбу, женщины готовили суп на костре, всем было весело... Они привезли с собой шашлык, надо было идти за дровами, все отправились кто куда... Потом погода испортилась, над островом навис туман... Все, как я уже сказал, разбредлись, но постоянно перекрикивались, смеялись, у всех было отличное настроение... Время шло к вечеру. Тот, кто принес первые сучья, принялся разжигать костер, кажется, какой-то парень. Затем притащили хворосту еще. Запахло дымом. И че-

рез какое-то время вокруг костра собрались все, кроме Нади. Она пропала. Они звали ее, кричали, но ее нигде не было. Поднялись на обрыв, но ее и там не оказалось. Начал моросить дождь, но костер продолжал гореть...

Таня слушала Хитова и поражалась тому, как точно и подробно он все это рассказывает, словно сам был там. О чем она ему тут же и сказала.

– Если бы я знал, что она на Ивовом острове, да еще и знал бы, где он находится, непременно поехал бы туда, я потом уже узнал, что там, неподалеку от тропы, соединяющей остров с «континентом», есть платная стоянка со сторожем, все, как положено... Вы подозреваете меня?

– Еще рано говорить об этом, но уж больно подробно вы все рассказываете, – пожала плечами Таня и покраснела, поймав на себе недовольный взгляд Земцовой. Да, она допустила ошибку, так ведь можно и спугнуть, чего доброго, убийцу, если это сам Хитов.

– У меня образное мышление, – как ни в чем не бывало объяснил Александр. – Понимаете, я хотел себе все это представить. Таня пригласила меня к себе домой, посадила за стол, налила чаю и принялась рассказывать все, что знала. И как остров заволкло туманом, и как моросил дождь, это был даже не дождь, а так, какая-то очень мелкая влага, которая ложится на лицо, одежду и пропитывает собой все вокруг. Костер не погас, он продолжал гореть, всем хотелось шашлыка. Одна девушка уже нанизывала мясо на шампуры.

И только Нади нигде не было. Я спросил, кстати, были ли на острове еще люди, Таня сказала, что нет, но разве можно быть уверенным в этом? Тем более что был туман.

– Что было потом? Надю нашли?

– Да, два парня из этой компании отправились на «континент», потому что исходили уже весь остров в ее поисках.

– И где же нашли ее?

– Совсем рядом, как раз под тем обрывом, что почти нависает над островом. Она лежала на берегу, лицом вниз, с разбитой головой, с многочисленными переломами. Она была, понятное дело, мертва. Кто-то толкнул ее с обрыва.

– Почему вы так считаете? Почему она не могла просто соскользнуть по траве вниз?

– Во-первых, она никогда бы не подошла к самому краю обрыва, она мне еще в Москве как-то призналась, что больше всего на свете боится высоты и глубины.

– Говорить можно все, что угодно, но и подняться на высоту она могла, даже не заметив этого... – сказала все еще не испытывающая доверия к Хитову Таня. – Почему вы решили, что ее убили? Что ее кто-то толкнул с обрыва?

– Я чувствую это. Вы же не знали ее, а я знал, хоть и мало... Понимаете, она не из тех женщин, что будут звонить мужчине по нескольку раз в день с просьбой приехать. Она и так прекрасно знала, что я приеду, как только улажу наши с ней дела. Я уже сказал ей, что приеду и увезу ее в Москву, объяснил, что в моей квартире сейчас идет ремонт полным

ходом... И что я хотел снять для нас с ней квартиру. Не могли же мы спать на полу, на матрацах, пока идет ремонт. Это же так ясно! Найти квартиру в Москве не так-то просто, для этого требуется время. А она звонит и звонит, просит приехать... Я спрашиваю ее, что случилось, она говорит, что ничего, но ей как-то беспокойно, она скучает, и все такое... Я уже готов был все бросить и приехать сюда, но тут подвернулась квартира, мне надо было встретиться с хозяином, договориться... Прошло еще несколько дней.

– Она все продолжала звонить? – спросила Юлия.

– Нет, она перестала звонить. Думаю, она обиделась, поэтому и поехала с друзьями на остров.

– Так, может, все-таки это был несчастный случай?

– Я не верю в это. Просто никому во всем городе нет дела до убитой девушки.

– Вы хотите, чтобы мы провели расследование и доказали, что это был несчастный случай?

– Если вы докажете это, то я буду очень благодарен вам... Поймите, я испытываю огромное чувство вины перед Надей. И я не успокоюсь, пока не смогу убедиться в том, что ее смерть – трагическая случайность.

Юля назвала сумму, которую Хитову следовало внести в качестве аванса, и довольно сухо попросила его дать фотографию Нади, а также фамилии, адреса и телефоны всех тех, с кем Надя была на Ивовом острове.

– Знаете, ответ на свой вопрос вы можете получить уже

очень скоро, достаточно только связаться с судмедэкспертом, – сказала она Хитову и поднялась с кресла. – Хотите еще выпить?

– Судмедэксперт... – разочарованно протянул Хитов. – Да что он может сказать, кроме того, что голова ее разбита, как и все тело...

– Если она сопротивлялась, то под ногтями у нее могут быть частицы кожи убийцы, а также грязь, глина, словом, почва с вершины обрыва. Кроме того, следы ударов, полученных до падения... Там много своих тонкостей. Если хотите, поедemте вместе со мной в морг...

– Нет, я пока не готов... Понимаю, что малодушничая, но ничего не могу с собой поделать. Таня дала мне ключи от квартиры Нади, сейчас поеду туда, побуду там до тех пор, пока там не запахнет смертью... Хочу немного оттянуть это страшное время. Как только вы скажете мне, что тело можно забирать, я тотчас займусь похоронами, думаю, и в вашем городе с этим теперь нет проблем... были бы деньги... Главное, чтобы меня сейчас не остановили на дороге, я все-таки выпил...

Он ушел, оставив на столе деньги, Юля с Таней переглянулись.

– Не знаю уж почему, но он мне сразу не понравился, – попыталась объяснить свое не совсем профессиональное поведение Таня. – Прикатил в день ее смерти, долго торчал в Москве, когда она просила его приехать. Думаю, что он че-

го-то недоговаривает.

– Понимаешь, человек находится в шоке, он неадекватен, и с этим надо считаться. Кроме того, он любил эту девушку. Вопрос в том, любила ли она его, чем занималась в Саратове, какие отношения у нее были с теми людьми, с которыми она поехала на остров? Были ли еще люди на острове? Кто мог желать ей смерти? Кому она была опасна? Сама ли она поднялась на этот обрыв или ее кто позвал туда? Нужно непременно встретиться с этой девушкой, Таней, она соседка, может многое рассказать о жертве. Так что работы много...

– Он слишком подробно рассказывал о том, как они познакомились, о театре, как будто сейчас это самое важное.

– Во всяком случае, у тебя уже сложилось какое-то мнение об этой Наде, не так ли?

– Ну да, она из богемной среды, вся семья – сплошные художники. Тоже неадекватный, надо сказать, народ. Не от мира сего. Мама подарила шаль, которую дочь носит из уважения, хотя не прочь от нее избавиться. Надя и сама рисовала...

– Вот именно. Было бы нелишним посмотреть на ее работы, понять, чем жила она здесь, о чем думала, чего хотела от жизни... Хотя мне кажется, что она откуда-то приехала в Саратов... Надо будет обо всем расспросить Хитова.

– Интересно, ее мать что-нибудь знает?

– Думаю, что нет. Если только ей не сообщили официальные органы. Пора, кстати, позвонить Корнилову.

Виктор Львович Корнилов, старший следователь прокуратуры, работал на агентство уже не первый год и получал за это определенный процент. Какие бы отношения ни складывались в последнее время у Шубина с Корниловым, все равно все оставалось на своих местах – агентству просто необходим был свой человек в прокуратуре, следователь же прокуратуры был не прочь подзаработать на параллельных делах. Исключение составляли мелкие гражданские дела, связанные с тайными поручениями, которые выполняли работники агентства для частных лиц без привлечения официальных органов.

– Корнилов слушает, – услышала Земцова знакомый голос и не могла не улыбнуться. При всей кажущейся грубости и жадности, Корнилов до сих пор вызывал в ней уважение и симпатию. Наверно, это было связано с его высочайшим профессионализмом, а может, отчасти оттого, что, встречаясь с ним, она не могла без благодарности вспоминать свои первые шаги в агентстве. Крымов и Корнилов научили ее многому, и хотя она понимала, что люди меняются и что и Крымов предал ее, и Корнилов готов сделать это в любую минуту, все равно, и тот, и другой оставались пока еще для нее близкими друзьями. Она не хотела признаться себе в том, что имя Корнилова напрямую связано у нее с той порой, когда в ее жизни появился Крымов...

– Виктор Львович, это Земцова.

– Привет, радость моя! Как поживаешь? Что интересного

скажешь? Говорят, Крымов прилетает?

– Прилетает, но я звоню не по этому поводу...

– А как же банкет? Неужели ты его не встретишь?

– Думаю, когда его самолет приземлится в аэропорту, у трапа его встретит половина женского населения города, – горько усмехнулась Земцова. – Сами знаете. Не думаю, что он разглядит в толпе свою бывшую жену, тем более что у него таких вот «бывших» – немало...

– Ревнуешь, злишься, а любишь... Ладно-ладно, не буду сыпать тебе соль на раны. Все равно встретишь и знаешь же, что будешь в аэропорту одна. Может, правда, с Бескровной, если она к тому времени не разродится... Жаль, Шубина нет... Так что у тебя за дело?

– Надя. Девушка с Ивового острова.

– Не знаю. Не слышал. А что с ней случилось?

– Кажется, несчастный случай. То ли упала с обрыва, то ли сбросили. Ее жених, приехавший из Москвы в день ее смерти, утверждает, что ее убили. Говорит, что чувствует. Вроде она звонила ему, просила приехать, но у него были дела...

– Если я ничего не знаю, значит, не убили.

– Разумеется. Тогда я кладу трубку.

– Ладно, не злись. Ну, слышал я про такую. Она не местная. Приехала из Риги, да?

– Пока не знаю. Она познакомилась со своим женихом в Москве, у меня нет пока данных о том, где она жила до того,

как приехала к нам.

– Значит, говоришь, он уверен, что ее убили? Может, он сам?..

– Не могу ничего сказать. Впечатление он производит человека нервного, правда, симпатичный, с родинкой на лице, водевильный, истеричный тип... Неудивительно, что после встречи с ней решил сразу жениться.

– Хорошо, я займусь этим. Ты у Чайкина уже была?

– Нет. Собираюсь вот. Таню не возьму, не пристало беременной женщине ходить по моргам.

– Вот это правильно. Так встретишь Крымова или мне приехать в аэропорт?

– Встречу, – устало проговорила она, представляя себе, как тяжело ей будет снова увидеть своего бывшего мужа, мужчину, не принадлежащего ни одной женщине и в то же время принадлежащего всем женщинам сразу. – Приезжайте ко мне, посидим, поговорим... Все-таки он мне не чужой.

– Поесть-то приготовишь или ты ешь только салат?

– А вы чего хотите: сала, соленых огурцов?

– Почему бы и нет?

Разговор с Корниловым был живым, настоящим, и ей было приятно слышать его голос.

– Договорились. Так и скажите, что ваша жена отдыхает где-нибудь на курорте, и вы соскучились по домашней еде.

– Моя жена болеет, – вдруг вздохнул тяжело Корнилов. – Думаю, до зимы не дотянет...

Юля почувствовала, как онемели ее колени. Такая вот странная реакция на его слова. Оказывается, Корнилов не стал жадным до денег, как говорил ей Шубин, просто ему нужны деньги для лечения жены. Конечно, жалованья следователя прокуратуры разве хватит...

– Ладно, ласточка, до вечера. Позвони, как встретишь, я подъеду...

Таня, смотревшая во все глаза на Земцову, не поняла, почему у той так изменилось настроение, а глаза повлажнели.

– Что случилось?

– У Корнилова жена при смерти, а мы ничего не знали...

Таня присвистнула.

– Вот это да... А что с Крымовым? Тебе помочь приготовить ужин? – Бескровная была реалисткой до мозга костей, и куда больше ее интересовали живые и здоровые, чем незнакомая ей больная жена Корнилова. Юля подумала, что со временем она непременно изменится, просто у нее не было, по всей вероятности, потерь.

– Сначала в морг, потом на рынок... – отозвалась Земцова как можно спокойнее.

– Давай лучше наоборот. Закупим все на рынке, ты отвезешь меня к себе, я начну готовить ужин, а сама поезжай к Чайкину. Пригласишь и его. Знаешь, как он будет рад?!

Юля достала сигарету. Глядя на сухую тонкую палочку, подумала, что сегодня можно выкурить одну штуку. Все-таки Крымов приезжает. А это уже стресс. У Корнилова такое

несчастье – еще один стресс. Патрик не звонит вот уже сутки – разве этого мало? Разве мало бед на одну сигарету? Она закрыла глаза и представила себе, что они с Машей, дочкой, встречают Крымова в аэропорту и везут его в их загородный дом, как им всем весело, какой Крымов счастливый и принадлежит только им двоим – Юле и Маше... Когда это было, да и было ли вообще? Она чиркнула зажигалкой и затянулась сладким теплым дымом...

Глава 3

Красивая девушка с не менее красивым именем Вероника позволила поцеловать себя на прощанье Крымову, и напудренная щека ее порозовела. В салоне самолета почувствовалось оживление – через четверть часа посадка в аэропорту Саратова.

– Мне было очень приятно лететь с такой очаровательной девушкой. – Крымов взял ее за руку и вдруг впервые ощутил, что держит не теплую женскую руку, а нечто совершенно безжизненное, не представляющее для него интереса, лишнее, отвлекающее его от основного, ради чего он, собственно, и летит домой, в Саратов. Зачем он, спрашивается, всю дорогу разговаривал с этой девушкой? По инерции? Зачем подробно расспрашивал Веронику о ее жизни, обещал организовать встречу с проректором одного из городских вузов, сказал, что непременно позвонит ей и они встретятся... Старый, избитый сценарий. Он повернул голову и встретился взглядом с широко распахнутыми глазами девушки – длинные, густо накрашенные ресницы, пухлые, ярко накрашенные губы, толстый слой пудры, не скрывающей темные точки пор, пышная грудь, на которой поблескивает золотой крестик, украшенный крохотными рубинами – наверняка подарок очередного любовника... Девушка, каких тысячи. И пахнет она, как парфюмерный отдел супермаркета. Он мог

убить с ней тоскливые часы полета, но не более. А девушка не из робкого десятка, сейчас, когда они сойдут с трапа, она привяжется к нему, попросит остановить такси или что-нибудь еще, схватится, не дай бог, за его рукав, и вот в таком виде он, Крымов, появится в зале аэропорта перед своими друзьями – Шубиным, Женей Жуковой, Таней Бескровной и, что самое ужасное, перед Земцовой. И хотя он не был уверен, что она приедет в аэропорт, все равно она непременно встретит его дома с ужином, или он не знает своей жены, пусть и бывшей? Что помешает ей вспомнить то время, когда они были так счастливы? Патрика все равно нет, он в Париже, так что она непременно приготовит для своего бывшего и селедочку с луком, и картошку, и, если догадается – холодную, острую окрошку.

– Я женат, и у меня очень ревнивая жена, – сказал, не сводя глаз со своей соседки, Крымов и состроил озабоченную гримасу. – Может, слышала, Земцова, Юлия Земцова, хозяйка детективного агентства... Она убьет меня, если узнает, что я с тобой всю дорогу любезничал... Ей бы это не понравилось.

– Земцова? Ваша жена – Земцова? Значит, вы и есть тот самый Крымов?

– Что значит тот самый? – насторожился Крымов. – Людоед, пожиратель хорошеньких девушек и сердец?

– Ну да, что-то в этом роде. – Лицо девушки еще больше порозовело. – А я все смотрю на вас и думаю...

– Хорошо, это я, и на этом закончим. Что касается моего обещания, то я его непременно выполняю. Об остальном совету забыть.

Он вдруг поймал себя на том, что впервые, пожалуй, так грубо разговаривает с девушкой, которой часа три почти объяснялся в любви и которую чуть не соблазнил прямо в самолете, а теперь вот не знает, как от нее избавиться. Он удивился еще больше, когда внезапно почувствовал отвращение к запаху этой девушки, к ее жестким желтым локонам, покачивающимся на висках, как тонкие металлические пружинки, к ее напудренным щекам и полным, вызывающе красным губам. Его возбуждение как рукой сняло. Он обмяк и сидел теперь с отсутствующим видом, уставившись в иллюминатор, в котором показались наконец островки мерцающих огоньков, затем засиял, раскинувшись, как роскошное сверкающее покрывало, большой город.

Девушка, имени которой он уже не помнил, мяла в пальцах носовой платок...

Он вспомнил Земцову, ее тонкое лицо, насмешливый взгляд светлых глаз, упрямый рот, и вдруг понял, что не готов к встрече с ней, что волнуется, что не знает, как себя с ней вести, чтобы не спугнуть, не потерять ее снова, как терял много раз...

...С тяжелой сумкой на плече он появился в зале аэропорта, и первым человеком, которого увидел, оказался Виктор

Львович Корнилов, немного постаревший, бледный, как если бы он был болен, но очень близкий и родной, настолько, что скупой на нежности Крымов, не выдержав, бросился к нему и крепко обнял.

– Здорово, Львович, как дела?

– Как видишь, – дрогнувшим голосом ответил ему Корнилов, внимательно глядя ему в лицо, словно не узнавая своего старого друга. – Стареем, болеем... Но работаем...

– Понятно.

И тут Крымов увидел стоящую неподалеку Земцову. В джинсах и линялой майке, она была похожа на студентку, встречающую в аэропорту своего парня. Такая же худенькая, как девчонка, с небрежно заколотыми на затылке волосами и с болтающимися на груди тонкими проводками плеера. Крымов рванул к ней, но потом вдруг понял, что ошибся, что это не она, что это действительно какая-то девчонка, которую он принял за Юлю, настолько независимой и отстраненной она показалась ему в первую минуту. Он остановился в нерешительности, хотел было уже повернуть обратно, к Корнилову, как вдруг услышал:

– Привет, дорогой, что это ты своих не узнаешь?

Голос принадлежал ей. Крымов подошел поближе, обнял бывшую жену, которую по-прежнему не узнавал, и, пробормотав: «Прости, не узнал, выглядишь, как девчонка», поцеловал ее в щеку.

– Поехали домой, Таня нас, наверное, уже заждалась. И

Леша Чайкин будет там, Шубина нет, он в Питере, Женьки Жуковой – тоже, она на море отдыхает... Ну же, что ты смотришь на меня так ошарашенно? Ты хотел бы, чтобы я встретила тебя в строгом деловом костюме?

Он не нашелся, что ей ответить. Все в эту минуту показалось ему неожиданным, нереальным, особенно его жена, и вовсе не бывшая, он-то знал, что она по-прежнему принадлежит ему и что никакие Патрики Дювали не посмеют отнять у него Земцову. А как она просто обратилась к нему! «Привет, дорогой». Да он на это и не рассчитывал. И теперь они поедут домой, к ним домой. Да, поистине удивительная женщина эта Земцова. Он вдруг приревновал ее к самому себе... Такое иногда случалось с ним. Чертовщина какая-то, но сладостная, приятная, заставляющая волноваться, испытывать острое наслаждение обладанием любимой женщиной. Она сказала «поехали домой». Уже от этого могла пойти кругом голова. А ведь он мог слышать это каждый день, если бы они жили вместе. В любой точке земного шара. Где бы он ни был, он знал бы, что у него есть семья, что его ждут жена и дочь. Но он сам все разрушил, своими руками. Закружился с другими женщинами, потерялся в самом себе... И утратил все, что у него было. Как мог он вообще допустить, что Земцова в тот длительный период, что они знакомы, успела выйти замуж три раза? Первый раз это был Харыбин. Фээсбэшник, за которого Юля вышла замуж назло Крымову. Стоящий мужик, ничего не скажешь, очень любил Земцову, на

руках носил, и что же? Брак развалился. Земцова никогда не любила его. Пыталась она жить в гражданском браке и со своим другом Шубиным. Настоящий мужчина, преданный друг, влюбленный в нее по уши и готовый отдать жизнь ради Земцовой... Ничего у них не вышло, как Игорь ни старался. Юля пыталась его полюбить, но так и не смогла, и этот союз распался. Теперь Патрик. Добродушный, симпатичный человек, любящий не только Юлю, но и Машу, их с Крымовым дочку... Когда Крымов представлял себе Земцову с Патриком, ему становилось нехорошо. Он злился и страдал от бессилия что-либо изменить. Его живое воображение рисовало бывшую жену в постели с Патриком. Эти картины были мучительны. Патрик, по мнению Крымова, мог быть Земцовой хорошим другом, покровителем, воздыхателем, но никак не любовником и тем более не мужем. И только тот факт, что Земцова, будучи замужем, позволяла себе вот так спокойно встречать в аэропорту своего бывшего мужа, Крымова, и вести себя хотя бы внешне так, как если бы она была женой не Патрика, а Крымова, позволял сделать вывод, что она не очень-то и дорожит своими отношениями с Дювалем.

Проходя мимо огромного зеркала, Крымов бросил на себя взгляд, чтобы лишний раз убедиться, что он по-прежнему красив и неотразим. В это мгновение он был наедине с собой и мог позволить себе оценить и свою фигуру, и осанку, и шапку густых черных волос, и так волнующую женщин утонченную бледность лица и синеву глаз. Оставшись довольным

собой, он по старой привычке поймал руку Земцовой и, притянув ее к себе, еще раз поцеловал в щеку, затем – в губы.

– Ты не забыл еще вкуса селедки? – услышал он ее насмешливый, чуть с хрипотцой голос и вдруг расхохотался, оглядываясь на шагающего позади них Корнилова и как бы призывая его разделить веселье.

– Нет, ты слышал, она приготовила селедку! Да я о ней только и думал, когда летел сюда...

– Дурак ты, Крымов, – шепнул ему Корнилов, поравнявшись с ним и толкнув его локтем в бок. – У тебя, может, шанс, а ты ведешь себя как последний идиот. Посерьезней надо быть, понял?

– Понял...

Никто не знал о волнениях Тани Бескровной, одиноко сидящей за накрытым столом в квартире Земцовой и поджидающей приезда Крымова с компанией. Она знала, что с минуты на минуту здесь появятся и ее муж, Виталий Минкин, все свое свободное время предпочитающий проводить в обществе беременной жены, и Леша Чайкин, судмедэксперт, большой друг Земцовой, а также нештатный работник агентства, и Корнилов, без чьей помощи, по мнению Тани, они не раскрыли бы ни одного преступления, словом, намечалось грандиозное застолье, центральной фигурой которого, безусловно, являлся Крымов. Все хорошо, и закуски Таня успела приготовить, и мясо в духовке уже почти готово, и окрош-

ка получилась ядерной, ледяной, такой, какой, по мнению Земцовой, она должна была понравиться Крымову, да вот только сама Таня чувствовала себя отвратительно – раздувшаяся, как раскормленный поросенок... Разве такой ее желал Крымов? Разве такой она должна была предстать перед его искушенным взглядом? И это после того, какие знаки внимания он оказывал ей перед отъездом!

С другой стороны, она была на стороне Земцовой, и ей очень хотелось, чтобы они с Крымовым наконец-то помирились, сошлись, и Юля развелась бы с Патриком и вышла замуж снова за своего мужа и отца своей дочери. Вот такие противоречивые чувства одолевали ее, когда в передней раздался звонок. Таня резко встала и помчалась открывать. Но ей так показалось, что она помчалась, на самом деле еле дошла под тяжестью своего необъятного живота до двери и, не спросив, кто там, уверенная, что это кто-то из своих, открыла. Она очень удивилась, увидев Хитова.

– Это вы? Но почему... здесь? Это же не агентство...

– Понимаю, но дело не терпит отлагательства. Приехала мать Нади, Шевкия...

– Ничего не понимаю, какая еще мать... Странное имя...

– Ну, помните, я вам рассказывал, что у Нади мать художница, она ей шаль подарила, которую сама расписала. Так вот, ей позвонили и сообщили о смерти дочери. Разумеется, она приехала, уже была в морге и вот теперь заперлась в квартире и плачет. Меня, конечно, пустила, я ей все объяс-

нил, рассказал, что знал, но она и мысли не допускает, что ее дочь могли убить. Она хоть и рыдает, но твердо уверена, что это несчастный случай, потому что ей накануне приснился сон, она говорит, что сон в руку: будто Надя летит в плетеной корзине с крыши какого-то старинного замка... Знаете, может, и нехорошо так говорить о несостоявшейся теще, но по-моему, у нее не все дома. Художница, одним словом.

– Но что вам нужно здесь, Хитов? У нас сейчас свои дела, к нам приехали друзья, я стол накрыла, поверьте, мы тоже имеем право на личную жизнь.

– Да я все понимаю, но что мне ей сказать, что я все это выдумал, чтобы она считала меня сумасшедшим? Она разве что не крутит пальцем у виска, говорит, что вы, мол, молодой человек, несете ахинею, и все в таком роде...

– И что вы хотите от нас, в частности от Земцовой?

– Чтобы она позвонила ей и сказала, что Надю действительно убили, – совершенно искренне ответил Хитов.

– У нас есть доказательства?

– Доказательства есть у меня. Говорю же, Надя боялась высоты, к тому же те, кто был с ней, знали, что к ней скоро приедет жених, почти муж, да ее просто-напросто могли убить из ревности...

– Может, и так, Хитов, но послушайте, приехал Крымов, вернее, прилетел, прошу вас, давайте отложим наш разговор до завтра, а? Ну, представьте себе, сейчас здесь соберется народ, и тут вы...

– ...со своей убитой девушкой, я понимаю...

И тут слышались шаги, какой-то шорох, и, вежливо попросив подвинуться в сторону, в дверь протиснулся Минкин. Одетый в элегантный черный костюм, белую сорочку и темно-красный галстук, он с недовольным раскрасневшимся лицом потребовал от Хитова объяснений: кто такой, что здесь делает в столь поздний час и с какой стати пристаёт к беременной женщине, к его жене.

– Моя фамилия Хитов. У меня убили невесту, – горько пожаловался тот и, решительно войдя в квартиру, уселся на первый попавшийся стул и обхватил голову руками.

Молча переглянувшись, Таня с Минкиным решили его не трогать, а дожидаться приезда Земцовой. Оставив Хитова в передней на стуле, Минкин с Таней прошли к накрытому столу, и Виталий, сглотнув слюну, потянулся за колбасой, взял один кружочек и съел под укоризненным взглядом жены.

– Очень есть хочется. Как там Земцова? Переживает?

– А чего ей переживать-то? Пусть Крымов волнуется. У Земцовой, если разобраться, есть все – и муж, и дочь, и квартира в Париже, и любовники... А вот у Крымова...

– Постой, какие еще любовники? – удивился Виталий. – Разве она изменяет своему французу?

– Не знаю, это у меня так... сорвалось...

– Так, может, и у тебя есть любовник? А?!

– Минкин, не смейся, пожалуйста, а то расхохочусь и рожу раньше срока.

– А я не шучу. Разве ты не знаешь, что некоторым мужчинам очень нравятся беременные женщины? Они возбуждаются, когда видят...

– Это ты про себя, что ли? Кажется, кто-то сегодня утром признавался мне в любви... – Таня ласково потрепала Минкина по щеке и поцеловала в нос. – Ты, извращенец, любитель беременных женщин, ну чего ты ко мне придираешься? Я, между прочим, устала, целый вечер готовила, пока Земцова по моргам разъезжала... У этого психа действительно убили невесту... Вернее, она умерла, разбилась, упала с обрыва на Ивовом острове...

– Ивовый остров... Знаю я это место. Отлично знаю.

– И откуда же ты так хорошо его знаешь? С кем ты там был, признавайся?

– Да мы с мужиками ездили туда рыбу ловить.

– И как мужиков звали: Лариса, Марина, Ирина?.. – Она намеренно назвала имена всех знакомых ей медсестер из «Титаника», клиники, где работал Минкин.

– Там действительно есть обрыв, – невозмутимо продолжал Минкин, вспоминая остров, точнее, полуостров, и то место, где он соединяется с сушей. Он даже успел представить себе песчаный пляж с распростертым на нем женским телом. – Надеюсь, ты не собираешься в своем положении посетить место преступления?

– Не думаю, что это представляет опасность для моей жизни. Уж меня-то точно никто не столкнет с обрыва. Еще вопрос – сумеют ли меня туда поднять, наверх...

– Так ее убили, эту его девушку, или это был несчастный случай?

– Понятия не имею. Мы толком еще не занимались этим делом. Юля привезла меня сюда, поручила приготовить ужин, а сама поехала к Чайкину, а оттуда уже – в аэропорт. Она звонила мне недавно, сказала, что самолет ожидается вовремя. Она нервничала... Знаешь, в каком виде она отправилась встречать Крымова?

– Откуда же мне знать?

– В джинсах и какой-то жуткой майке, ты бы видел ее... И это вместо того, чтобы прилично одеться по такому случаю...

– Видимо, она не считает приезд Крымова чем-то особенным. Думаю, она и встречает-то его просто из вежливости, ну, может, из куража, чтобы уже здесь, дома, всласть поиздеваться над ним, подразнить... Уверен, что после ужина она выставит его за дверь, отправит в гостиницу или на дачу...

– Это ты их загородный дом называешь дачей? Ничего себе, дачка... Я вообще не понимаю, почему она живет в городской квартире, когда можно жить там...

– Не думаю, что она явилась сюда, чтобы насладиться тишиной и покоем провинциального города. Ей хочется острых ощущений, она приехала, чтобы поработать. Ты же сама

рассказывала, что она практически живет в агентстве.

– Может, ты и прав. Но все равно, такое наплевательское отношение к себе, к Крымову... Ты бы видел, как она была одета, когда явилась на работу, – роскошная женщина в роскошных французских тряпках, а тут – на тебе – потертые джинсы, линялая майка... Не понимаю, не понимаю...

Ей вдруг стало неловко от того, что она этим, казалось бы, несерьезным разговором об одежде может выдать себя, свое отношение к своей внешности. Она так и не поняла, догадался ли Минкин, что она возмущалась скорее не внешним видом Земцовой, а тем, что та, имея стройную фигуру, не ценит этого и ходит в обносках, в то время как располневшая до безобразия Таня страдает при мысли, что не может даже в самой красивой и дорогой одежде выглядеть прилично. Тем более что речь шла о приезде Крымова, ценителя женщин. Значит ли это, что Земцовой наплевать, в каком виде она предстанет перед своим бывшим мужем?

Раздался звонок, и Минкин пошел открывать. Таня слышала, как он шикнул на Хитова, отправив его в одну из комнат и приказав тому не высовываться («Не появляйся на глаза до тех пор, пока до тебя не дойдет очередь...»), после чего открыл дверь, и до Тани донеслись оживленные голоса Корнилова, Земцовой, Крымова...

Когда она увидела Крымова, щеки ее запылали, и она устыдилась своего огромного живота, распухшего до неузнаваемости лица и всего своего положения, в котором оказа-

лась по вине своего замужества, по вине Минкина.

– Таня, как же я рад снова тебя видеть! – воскликнул, как показалось Тане вполне искренне, Крымов и вдруг бросился к ней, обнял и поцеловал ее прямо в губы. – Какая ты стала хорошенькая, женственная... Я всегда говорил, что беременность только украшает женщину, не правда ли, Виталий?

Минкин, вместо того чтобы выказать свою ревность (так, во всяком случае, предполагала Таня), тоже почему-то обрадовался появлению Крымова и пожал ему руку. Затем Виталий и с Корниловым обменялись рукопожатиями. Корнилов тоже обнял и поцеловал Таню. Она заметила, как похудел Виктор Львович, как постарел, и, вспомнив про его жену, почувствовала, как по спине ее пробежал холодок. Земцова же выглядела вполне спокойной и умиротворенной. Она хозяйски отправила всех мыть руки и сказала, что «картошка остывает», пора за стол. Потом подошла к Тане:

– Спасибо, подружка, не ожидала, что ты так много успеешь приготовить за такое короткое время.

– А ты в морге была?

– Была. Знаешь, мне в последнее время начинает казаться, что кому-то там, наверху, – она осторожно подняла указательный палец к потолку, – хочется прибрать к рукам всех красивых девушек... Эта Надя Газанова была на редкость красива. Я понимаю теперь Хитова, который буквально потерял голову из-за нее. Я бы и сама, будь женщиной, женилась на ней. Кроме шуток. Леша говорит, что у нее множе-

ственные переломы конечностей, разбита голова, рассечена губа, глаза нет, он вылетел... Вроде бы все указывает на то, что она нечаянно сорвалась и упала с обрыва...

Она не успела ничего больше рассказать, в передней снова раздался звонок – на этот раз пришел Чайкин.

Когда все расселись за столом, Юлия предложила налить водки и произнесла тост за встречу.

– Мы все свои, а потому мне особенно приятно, что сегодня к нам, пусть и на неопределенное время, присоединился сам господин Крымов, человек, который когда-то основал это агентство. С ним у меня лично, не знаю, как у вас, связано многое в жизни, он научил меня работать, любить, страдать, он подарил мне дочь... Вот такие дела... С приездом, Женя, – сказала она дрогнувшим голосом и пригубила рюмку.

– Спасибо, Юлия, – ответил Крымов, сидящий рядом с ней и буквально пожирающий ее глазами. – А ведь я, признаться, сначала тебя не узнал, время делает тебя только моложе...

– Ты тоже прекрасно выглядишь.

Эту фразу она сказала уже с более рассеянным видом, потому что почувствовала, как сидящая по другую сторону от нее Таня толкает ее локтем в бок.

– Забыла тебе сказать, там, в одной из комнат, Хитов, – шепнула Бескровная, – пришел и не уходит, не знали, что с ним и делать. Хочет поговорить с тобой. Приехала мать Нади Газановой...

– Хитов? – Юля покачала головой. – Вот это сюрприз...

Чайкин пришел совершенно трезвый, хотя и выглядел как настоящий алкоголик. Сморщенное красное лицо, желтые редкие волосы, через которые просвечивает блестящий розовый череп, и бросающаяся в глаза болезненная худоба. Он ничего не пил, кроме минеральной воды, зато ел за троих. В основном молчал, но внимательно слушал, что говорили присутствующие за столом его друзья. Ему было приятно, что о нем не забыли, что пригласили его, скромного судмедэксперта. Крымов говорил какие-то общие фразы, был возбужден, из чего Леша понял, что тот радуется встрече с Земцовой. Юля была душой компании, ее все любили, и мало кто не переживал ее разрыва с Крымовым. И никто из присутствующих не понимал, как можно было изменить такой женщине и разрушить такой, казалось бы, идеальный брак. Кроме того, у Крымова с Земцовой подрастала дочь Маша. Может, хотя бы этот приезд Крымова все изменит и ему удастся вернуть жену и дочь?

Чайкин был уверен, что все, кто присутствовал сейчас здесь, думали об этом же.

Корнилов, глядя на цветущую Земцову, с тяжелым сердцем вспоминал превратившееся в скелет тело своей жены, женщины, которую он любил больше всех на свете и которая медленно и мучительно покидала этот мир, покидала его. И как бы он ни старался в последнее время раздобыть денег, чтобы купить дорогостоящие лекарства, он лишь

немного отодвигал страшный конец. Ему хотелось сказать раскрасневшемуся от вкусной еды и водки Крымову, что жизнь очень коротка, что когда-нибудь он будет сожалеть о том, что предал любимого им человека, что любовь к единственной женщине ничто по сравнению с теми многочисленными увлечениями, которыми была полна его жизнь; ему хотелось так сказать, но имел ли он право? Да и кто он такой в жизни Крымова, чтобы указывать ему на что-то или объяснять и без того простые и понятные вещи? Он смотрел то на Крымова, по-прежнему вальяжного и уверенного в себе мужчину, пытающегося рассказами о своей заграничной жизни придать ей ореол романтизма и таинственности, то на Земцову, озабоченную тем, чтобы гости хорошо ели, и постоянно подкладывающую на тарелки закуску, и думал о том, что, может, именно сегодня они, эта красивая пара, и будут счастливы? Стоит гостям разойтись, и они останутся вдвоем, возможно, Юля и позволит Крымову доказать ей свою любовь и простит его? А Патрик... Сможет ли она объяснить ему, что по-прежнему любит лишь Крымова, и что она очень благодарна ему, этому симпатичному французу, за то, что все то время, что она оставалась без Крымова, у нее было подобие семьи? Но каким же несчастным почувствует себя этот Патрик! И разве можно строить счастье на несчастье других людей? Однако Патрик же построил. Корнилов запутался. Кто был несчастливее из них всех: Патрик, Земцова или Крымов? Пожалуй, лишь сам Корнилов, которому

сейчас предстояло возвращаться к себе домой, в пахнущую смертью квартиру... В носу защипало, и он, не выдержав, разрыдался.

Глава 4

Крымцов вышел из гостиной, чтобы покурить на лоджии, заглянул на кухню, чтобы взять пепельницу, и тут ему показалось, что в квартире, помимо тех, кто находился в гостиной, есть кто-то еще. Он явственно слышал дыхание. Глубокое, как если бы человек спал. Он развернулся и пошел на звук. Ноги не слушались его, когда он понял, что звуки доносятся из спальни. Интересно, кто бы это мог быть? Может, Шубин спрятался? Не смешно. С Шубиным вообще все вышло не смешно и как-то странно. Он и сам-то не мог себе объяснить, почему Женю Жукову он никогда не воспринимал как жену Шубина. Просто женщина. Очень несчастная, которая так нуждалась в поддержке, в любви. Шубин, в конечном счете, сам виноват в том, что она без оглядки поверила Крымцову, как будто не знала наперед, чем могут закончиться их отношения. Но она так искренне радовалась, что в самую тяжелую минуту своей жизни оказалась рядом с мужчиной, который сумел не только успокоить ее, но и придать ей новых сил и помочь разобраться в себе. Теперь-то она знает, как ей жить дальше и что в этой жизни надо уметь полагаться лишь на себя. Бедная девочка. Бедный Шубин, так опрометчиво принявший влюбленность за любовь и связавший себя браком с нелюбимой женщиной. Вот с Земцовой он был бы по-настоящему счастлив, даже если бы знал,

что она не любит его.

Крымов остановился на пороге спальни и тихо толкнул дверь. Она отворилась, и он увидел спящего на кровати, прямо в одежде, разве что без ботинок, но в носках, мужчину. Молодого. Значительно моложе, чем он, Крымов. Светлые волосы, родинка над верхней губой, нежное розовое ухо... Что ему нужно в этой спальне? Кто он такой? Может, Земцова поэтому так спокойна и чувствует свое превосходство над ним, что припрятала в своей спальне бомбу – смазливового парня с родинкой над губой? Своего любовника. Решила отравить первый же день его пребывания здесь таким вот убийственным способом?

– Эй, ты кто? Поднимайся... Чего улегся на кровать? Пижаму хотя бы надел.

Он потянул парня за руку. Тот сразу же проснулся. Вытирает глаза.

– Крымов... Точно?

– У меня что, табло на лбу светится, что я Крымов? – раздраженно спросил он.

– Не знаю, просто понял, что вы Крымов, и все.

– А ты кто?

– Моя фамилия Хитов. Я не должен был приходить сюда, в эту квартиру, тем более находиться в этой спальне, но я так устал... Ночь была бессонная... Да я вам сейчас все объясню. Где Земцова? Она вам все расскажет.

– Значит, так. Или ты выметаешься отсюда сам, или же

мне придется выбросить тебя в окно.

– А... понятно. Ревнуете. Между прочим, напрасно...

Но Крымов уже не владел собой. При упоминании о бессонной ночи ему стало не по себе. Он схватил парня за предплечье и поднял с постели. Затем, распахнув дверь, мощным пинком отправил его в прихожую; Хитов, ударившись о стену, приземлился на пол... Из носа его хлынула кровь. На шум из гостиной выбежали Юля, Чайкин...

– Прекрати сейчас же, это наш клиент, Хитов, его девушку убили! – закричала Юля, подбегая к Хитову и запрокидывая его голову назад. Таня, держась за поясницу, пошла в кухню смочить полотенце.

– Он лежал в нашей кровати, между прочим, – заметил тяжело дышащий Крымов. – Предупреждать надо, что у тебя в каждой комнате по клиенту.

Хитов, чувствуя, что подвел Земцову, старался все объяснить.

– Дурацкая ситуация... В квартире ее мать, плачет, с ней невозможно ни о чем говорить, она не верит, что Надю убили, постоянно твердит, что это несчастный случай... – Хитов поднялся и, слегка закидывая назад голову, сел на стул. Встреча с Крымовым оказалась шоковой. – Конечно, я мог бы и сам догадаться, что рано или поздно меня хватятся, войдут в спальню, а я там... Но я не предполагал, что это будет сам Крымов. Вы должны меня извинить и понять...

– Да ничего я тебе не должен... – Крымов вернулся в го-

стиную, сел и со злостью принялся грызть яблоко. Земцова, расстроенная происшедшим, увела Хитова на кухню, чтобы делать ему примочки.

– Клиент, мать их... – продолжал материться Крымов. Корнилов с Чайкиным и Минкиным, не сговариваясь, отправились курить на лоджию.

– Он только сегодня был у нас и заплатил аванс. Да, он странноватый, это правда, – говорила Таня, словно извиняясь за то, что в кровати Земцовой обнаружился мужчина. – Подумай сам, ну кто мог предположить, что он явится сюда и станет требовать, чтобы непременно занялись его делом, несмотря на поздний час. Мы с Виталием ему все объяснили, но он и слушать ничего не хотел. Пойми, у него горе...

– А у меня радость. Ха-ха-ха! Целый вагон. Прилетел к жене, вхожу в спальню, а там какой-то мужик! Хорошо еще, что я его вообще не убил.

– Сгущаешь краски, – не выдержала Таня. – Прекрасно знаешь, что Юля здесь ни при чем, а устроил целый спектакль с мордобитием. Ведь я молчу-молчу, но потом говорю то, что думаю. Приехал, понимаете ли, иностранец хренов, права качаешь, клиентов наших избиваешь, а между прочим, их не так-то и много, чтобы ими раскидываться. Это у тебя в швейцарских банках куча денег хранится, а мы живем скромно, от гонорара к гонорару. Так что деньги нам не помешают. Тем более я на сносях, если ты заметил...

– Да уж, тебя не заметишь... – попробовал превратить все

в шутку Крымов. Но Таню было уже не остановить.

– Да кто ты такой, если разобраться, в этом доме? Так, заезжий гость. Ни муж, ни любовник, ни даже друг. Я понимаю, это не мое дело, но ты же Земцовой жизнь испортил. Не спорю, ты мужчина, о котором можно только мечтать, но ведь ты же пользуешься этим, негодяй!.. Не знаю, откуда у тебя берутся силы, но мне кажется, что ты и в аду будешь соблазнять грешниц, поджаривающихся на сковородках! Vedi себя прилично и не показывай, как ты волнуешься. Думаешь, никто не понимает, что ты приезжаешь сюда только из-за нее? Все ждешь, что она обратит на тебя наконец-то внимание, что бросит своего француза и снова станет твоей женой. Но где гарантии, что ты опять не предашь ее, что не променяешь ее на очередную юбку?!

Таня выпалила это на одном дыхании, при этом осознавая, что не так давно и она сама готова была ради Крымова распрощаться с Минкиным и изменить всем своим принципам. Она противоречила сама себе, но и остановиться была уже не в силах. Она по инерции говорила ему что-то еще оскорбительное, что должно было унижить любого другого мужчину, но только не Крымова. На него же все произнесенные слова в конечном счете произвели совершенно другое действие – он вдруг расхохотался. Таня обернулась и увидела стоящую в дверях Земцову. Либо Крымов действительно решил превратить весь этот разговор в шутку, либо он оказался

прекрасным актером и сумел вовремя дать Тане понять, что ей следует немедленно замолчать. Хотя, пронеслось у нее в голове, даже если Юля и услышала часть разговора, то наверняка ничего не поняла, кроме того, что ее лучшая подруга, Таня Бескровная, пусть и сунула нос не в свое дело, но все равно с самыми благими намерениями. Куда хуже было бы, если бы Таня в разговоре с Крымовым допустила промах и одной фразой выдала бы их намечавшуюся когда-то связь...

– Я все объяснила Александру, – сказала Земцова, предлагая всем вернуться к столу. – Мало ли что случается, когда у тебя такая работа, ведь правда, Крымов? Надеюсь, это был первый и последний раз, когда ты так активно вмешивался в мою жизнь...

Появившиеся в гостиной Чайкин, Корнилов и Минкин остановились как вкопанные, понимая, что за этой многообещающей фразой может последовать и другая, не менее серьезная и определяющая отношение Земцовой к Крымову.

– Думаю, что после того, что произошло, я должна предложить Александру поужинать с нами. Кроме того, все мы здесь свои, знаем, что связывает нас все эти годы, а потому мне кажется, что правильным было бы как раз сейчас, когда мы все немного протрезвели, обратить наше внимание на то, что у Хитова случилось несчастье, погибла его невеста... Он – наш общий клиент, а Виталий может просто посидеть и послушать. Мужа Тани я считаю своим человеком и полностью доверяю ему. И Крымов, я думаю, тоже не станет

с отсутствующим видом считать цветы на обоях, ведь так, Крымов? Девушку по имени Надя Газанова нашли на берегу Волги, она либо сама сорвалась с обрыва, либо ее сбросили. Это произошло позавчера, тринадцатого июля, вечером.

– Смерть наступила между восемнадцатью и двадцатью часами, – заметил Чайкин, и Хитов, сидящий напротив него, сразу же определил, что видит перед собой того самого судмедэксперта, мнению которого он до сих пор не доверял по определению.

– Вы судмедэксперт? – на всякий случай спросил он, одновременно испытывая желание узнать как можно больше о смерти Нади и страшая каких-то подробностей.

– Да, это я вскрывал ее, – кивнул головой Леша.

– Вы можете сказать точно, она была убита или нет?

– Как можно сказать точно? Ведь если даже предположить, что ее ударили за какую-то минуту перед тем, как сбросить с обрыва, камнем, то невозможно определить, умерла ли она от удара, нанесенного убийцей, или же она сама, упав с обрыва, разбилась о камни... В крови девушки я обнаружил небольшое количество алкоголя, но очень незначительное.

– Она боялась высоты, – твердил Хитов, – она не могла подняться туда сама, это исключено...

– Но ее могли позвать туда, чтобы показать, скажем, что-то интересное, – предположила Таня Бескровная.

– Что такого ей могли предложить посмотреть, разве что

вид на Волгу? – усмехнулся Хитов. – Это в туман-то?

– Возможно, что туман был такой густой, что она не заметила, как подошла к обрыву...

– Нет, там такое ровное, довольно большое пространство, – решил вмешаться Минкин, – что край обрыва она точно бы увидела...

– А что, если это самоубийство? – вдруг сказал Корнилов.

– Это тоже нельзя сбрасывать со счетов, – согласилась с ним Земцова. – Такое часто случается – мы ищем убийцу, а человек убил себя сам... Ведь вы же сами рассказывали, что ваша невеста сильно нервничала, что просила поскорее приехать. Если учесть, что вы познакомились не так уж давно, но, тем не менее, за помощью она обратилась именно к вам, следовательно, кроме вас, у нее больше не было никого близкого...

– Да откуда же ей за такое короткое время найти себе кого-то еще, если она прожила в этом городе всего ничего?! Ведь это же квартира ее матери, которая вышла замуж за москвича и уехала в столицу. Надя до этого жила в Риге, с отцом. Она приехала сюда, сама еще толком не зная, останется она здесь или нет. Вернее, я-то предлагал ей жить в Москве... Мы собирались пожениться. Да что я говорю?! Конечно, я бы забрал ее отсюда. Но был и еще один вариант – я продаю свою квартиру и покупаю квартиру в Риге. Об этом мы тоже говорили, но тогда, когда все это происходило, нам было не до квартир, мы находились в таком состоянии...

Я бы согласился жить с ней где угодно, она, я думаю, тоже. Вы можете спросить, почему же она уехала сюда, в Саратов? Думаю, мать попросила ее немного присмотреть за квартирой, ведь здесь оставались какие-то ее работы. Кроме того, если уж рассуждать с хозяйской точки зрения, то она могла бы просто за то время, что находится тут, найти приличных жильцов, чтобы сдать квартиру. Но и эти мысли приходят ко мне лишь сейчас, когда я пытаюсь понять, зачем она приехала сюда. Но вы можете спросить об этом у ее матери. Я уже говорил, что она приехала, заперлась в квартире и рыдает. Сама не своя. Ее можно понять.

– Вы отвлеклись, Хитов, – мрачно проговорил Крымов, вылавливая в тарелке маринованный гриб. – Речь идет не о том, зачем ваша невеста приехала сюда, тем более что после того, как ее мать переехала в Москву, саратовская квартира и одновременно, я так понял, мастерская, стала на время и ее домом. Откуда девушке было знать, что ее так скоропалительно позовут замуж... У нее до встречи с Хитовым были свои планы. Меня в этой истории больше всего интересует ее характер, привычки, что она была за человек. Ведь только что выдвинули версию о самоубийстве? Вот что не дает мне покоя. Не была ли склонна девушка к суициду, не страдала ли психическим расстройством?

– Да что вы такое говорите?! – вскричал возмущенный Хитов. – Да, так я бы к вам и пришел, если бы знал, что она шизофреничка! Да она была нормальнее всех нас! И если

она страдала фобией, то связана она была лишь с высотой. Но, признайтесь, кто из вас не боится высоты? Когда стоишь на краю пропасти и смотришь вниз, разве у вас дух не захватывает?

– Захватывает, – ответил за всех Чайкин.

– Давайте-ка я расскажу все по порядку, – предложила Юля. – Итак. Надя познакомилась с Сашей... Можно я буду вас так называть?

– Хоть как называйте... – махнул рукой Хитов и вжался в стул. Взгляд его остановился на переливающимся разноцветными бликами хрустальном графине с остатками водки. – Только не забудьте про записку...

– Так вот, – продолжила Земцова. – Они познакомились с Сашей в Москве. Влюбились с первого взгляда и решили пожениться. Саша практически ничего не знал о ней. Только так, поверхностно. Что у нее есть отец, с которым она почти все свое детство прожила в Риге, мать, которая вышла замуж и переехала жить в Москву. Что мать у нее художница, довольно молодая еще женщина, по имени Шевкия... Судя по всему, предки ее с Востока. Так вот. Молодые люди решают пожениться. Но у каждого до их встречи была своя жизнь, свои планы. Хитов ремонтировал свою квартиру, значит, теперь ему предстояло на время снять другое жилье... Кстати, Хитов, а куда же вы пригласили Надю после того, как долго гуляли с ней по Москве?

Хитов возмущенно принялся растирать свое и без того

покрасневшее лицо.

– Я привез ее на квартиру своих родителей, которые летом обычно живут на даче.

– Так я и подумала, – кивнула головой Юля. – У Нади тоже были свои планы, связанные с семейными обстоятельствами. Ей предстояло отправиться в Саратов, пожить какое-то время в квартире своей матери.

– Саратов – ее родной город, – проинформировал всех Корнилов. – Она жила в этой квартире вместе с отцом и матерью до тех пор, пока отец не женился на другой женщине и не уехал жить в Ригу. Он, кажется, скульптор.

– Значит, мать в каком-то роде бросила ее? – подала голос Таня Бескровная. – Отдала отцу? Всегда подозревала, что все художники – ненормальные.

– Видимо, решила, что для Нади так будет лучше, – попытался оправдать странный поступок своей несостоявшейся тещи Хитов.

– Может, оно и так. Идем дальше? Хитов в Москве занимается поисками подходящей квартиры, Надя же едет в Саратов. Хитов собирается вскоре приехать к своей невесте, и они должны окончательно решить, где и как они будут жить... Скажите, как вам показалось, Надя – эмоциональный человек?

– В меру, – как-то очень быстро ответил Хитов. – В меру.

– Вам не показалось странным, что она вдруг, я бы даже сказала так – внезапно стала испытывать потребность в ва-

шем присутствии? Откуда такое нетерпение?

– Да, показалось. Но сначала я не придавал этому особого значения. О чем сейчас, понятное дело, жалею. Мне бы только узнать, что то, что произошло с ней, – несчастный случай, и мне станет легче. Вы думаете, это пошло?

– Нет, каждый, оказавшийся на вашем месте, испытывал бы, я думаю, такие же чувства, – успокоила его Земцова. – Итак, вы доводите свое дело до конца: находите квартиру и лишь после этого едете в Саратов.

– Да. У меня ушло несколько дней на то, чтобы встретиться с хозяином и обо всем договориться. Квартира была дороговата, но это же, как я думал, ненадолго... Я был уверен, что Наде она понравится.

– Итак, когда вы приехали в Саратов?

– Тринадцатого июля.

– В день убийства, – заметила Таня и тотчас прикусила губу, стараясь не смотреть в сторону Земцовой.

– Да, получается, что в день убийства.

– И у вас есть свидетели?

– Нет. Я долго звонил в дверь квартиры Нади, но мне никто не открывал. Только на следующее утро на шум вышла ее соседка, та самая девушка, Таня Орешина, которая была с Надей на Ивовом острове.

– Где и когда вы обнаружили записку?

– Сегодня. В почтовом ящике.

– Как вам в голову пришло заглянуть в ящик?

– Да никак! Просто открыл и заглянул. Он легко открывается. Смотрю, этот листок... Мне и так-то было тревожно на душе, а здесь еще эта жуткая записка.

– И что же в ней написано? – спросил Крымов с легкой усмешкой. – Меня, мол, убили на Ивовом острове?

Таня Бескровная с Земцовой переглянулись.

– Представь себе, дорогой, – кашлянув, произнесла Земцова, – что именно это там и написано. Хитов, покажите Крымову записку...

Тот достал из кармана листок и протянул Крымову.

– Да уж, ничего не скажешь, попал в самую точку, – присвистнул Крымов. – Вот расскажи такое Шубину, он ни за что бы не поверил, сказал бы, что я сочиняю... Вы должны отдать эту записку Земцовой... на экспертизу.

– Скажите, Хитов, а откуда вы узнали об этом агентстве, да еще и о Крымове? – спросила Бескровная.

– Мне в вашей конторе сказали, – искоса глянув на Корнилова, ответил немного сконфуженный Хитов. – Я видел вас там и понимаю, кто вы и откуда.

– И кто же вам сказал?

– Сказали, и все. Какая вам разница. Мне не хотелось бы сейчас вспоминать, как там со мной обращались и что говорили. Смотрели на меня, как на идиота. Несчастный случай да несчастный случай. Заладили. Я собирался уже уйти оттуда, ходил по коридорам, по лестницам, искал выход, пока случайно не наткнулся на одного человека. Вот он-то как раз

мне и посоветовал обратиться в агентство. Лучше всего, говорит, встретиться с Крымовым, но его пока нет... Сказали, что там его жена сейчас заправляет, тоже ничего...

– Спасибо, – кивком головы поблагодарила его Земцова. – Что-то пить захотелось...

– Может, сделаем перерыв?

Так продолжалось и на следующий день, и спустя неделю. Что изменилось? Свидания их стали реже, любовники по неизвестной причине словно избегали друг друга, и Камора заметно погрузтел. Утешить его было невозможно – все знали, что к Наде скоро приедет жених. Поговаривали разное: что он богатый бизнесмен, что Надя его любит и что скоро выйдет за него замуж. Лариса сказала, что он, эта московская птица, задерживается из-за ремонта квартиры, видимо, хочет успеть к свадьбе, даты которой никто, вроде бы даже сама Надя, не знает. Еще Лариса сказала, что Надя как-то очень спокойно говорит о предстоящей свадьбе и что сама толком не поняла, как стала невестой. Уж слишком быстро все произошло. Жениха ее звали Александром. Надя без интереса просматривала каталоги со свадебными платьями. Ее словно не интересовало, как она будет выглядеть в такой торжественный для каждой девушки день. Камора же стал очень нервным, почти агрессивным. Таня боялась задать ему лишний вопрос, старалась находиться подальше от него, чтобы не спровоциро-

вать взрыв. Если не разрыв. В отличие от Нади, она-то знала день своей свадьбы. Вот только готова ли она была теперь связать свою жизнь с мужчиной, который любит другую женщину? Да и любит ли он Надю? Это вопрос, на который, по мнению Тани, не мог ответить ее любовник. Скорее всего, это была страсть, Камора увидел красивую девушку, которая поселилась по соседству от него и каждый день соблазняет его. Соблазняет. Не слишком ли это красивое слово для такой распущенной особы, как Надя? На людях они говорят об искусстве, Надя рассказывает не спускающему с нее глаз любовнику (так, словно рядом нет ни Ларисы, ни Миши, ни Тани!) о том, с каким успехом прошла в Риге выставка ее отца, показывает фотографии его работ, упоминая как бы вскользь их стоимость, пытается объяснить, чем эстетика прибалтийского творчества отличается от русского. Особенно запомнилось Тане, с каким трагическим выражением лица рассказывала Надя о недавно прочитанном рассказе какой-то латышской писательницы о том, как мать потеряла сына, которого должны были призвать в армию. Как вместе со всеми принималась его искать, тосковала по нему, перебирая долгими дождливыми вечерами его теплые свитера, прижимая к груди какие-то милые для нее, как для матери, вещицы, книги сына. Потом-то окажется, что сын и не пропал вовсе, что он повесился несколько дней тому назад в амбаре, и что ее мозг словно стер эту страшную картину из ее памяти.

«Все в природе устроено на редкость рационально. Так человек, испытывая страшные муки перед смертью, на какое-то время теряет чувствительность и вступает в новое для себя качество без боли. Или мать потеряла детей – она не помнит похороны. Есть и другие случаи – человек совершил убийство и не помнит, как это случилось. Он хотел его совершить, много сотен раз проигрывал эту ситуацию мысленно, представлял себе его во всех подробностях, но, когда убил человека, не понял, в действительности ли это произошло или же снова в его воображении». Надя знала, о чем говорить, когда собирается тесная компания. Находила такие темы для разговора, что Камора, и без того потерявший от нее голову, принимался рассказывать все, что знал по теме. Тане даже казалось, что он готов выдумать какую-то несуществующую историю, чтобы только привлечь ее внимание, чтобы удивить ее, поразить воображение совершенно потрясающим, фантастическим рассказом как бы из своей жизни.

Их было пятеро в этой компании. Таня, Лариса, подруга Тани, Надя, Сергей Камора и Миша, двоюродный брат Тани. Когда рядом с Таней поселилась Надя, дочка Шевкии, известной в городе художницы, недавно переехавшей с новым мужем в Москву, вокруг этой девушки закружилось сразу несколько человек. Под обаяние Нади попала и сама Таня. Надя мало чем внешне походила на свою экстравагантную и яркую мать. Но она была привлекательной по-своему. Что

бы она ни говорила, что бы ни носила, что бы ни любила – все казалось им всем необычным, интересным, оригинальным. Никто потом и не смог вспомнить, как же так оказалось, что уже на следующий день после ее приезда они собрались у Шевкии дома. Надя купила вина, не очень-то дорогого, между прочим, печенья, конфет и пригласила Таню с друзьями к себе домой. Познакомиться. Выпили тогда много. Слушали музыку. Кажется, латиноамериканскую. Было очень весело. Все было просто, точнее, запросто – танцевали парами, пары менялись, в просторной комнате сдвинули к окну стол, и воздух от сигаретного дыма стал синим...

Надя вела себя непринужденно, так, словно была знакома и с Мишей, и с Каморой, и с Ларисой, и тем более с Таней, сто лет. Не меньше. Ее сразу все полюбили. Она казалась щедрой. Ведь потом она дала еще денег, и Миша сбегал за водкой, ликерами, виноградом... У Тани были деньги, да и у всех тоже, но никто не тратился, все раскручивали новенькую, понимая, что так она «ставится», что так щедро и шумно входит в их мир, в их компанию, в их жизни...

Утром у Нади был такой вид, словно ничего и не было. Она открыла дверь Тане и пожаловалась на головную боль. Сказала, что спит и что проснется лишь к вечеру. Она словно бы стала чужая на этот день. Чужая и холодная. Она не распахнула объятия соседке, хотя и пожаловалась, что болит голова. Другими словами, она дала понять, что прекрасно может обойтись и без нее. И Таню это задело. Ей

захотелось быть входящей в эту квартиру, как и раньше к Шевкии. К матери Нади она могла войти в любое время дня и ночи и считалась в этой квартире своей. Шевкия была женщиной хоть и странной, но к Тане относилась тепло и при каждом удобном случае звала ее к себе то выпить пива, то поужинать. Когда у нее, свободной художницы, заводились деньги, она охотно давала Тане в долг, помогала ей продуктами или дарила какие-нибудь вещи. Когда же деньги заканчивались и ей попросту нечего было есть, Таня помогала ей чем могла. Но бедность постепенно ушла из этого дома – Шевкия стала знаменитой, ее полотна покупали европейские коллекционеры, а однажды к ней приехал погостить один из ее старинных приятелей, тоже художник, за которого она как-то неожиданно вышла замуж и очень быстро перебралась в Москву. То, что у нее есть дочь, которая проживает в Риге, Таня знала, но лишний раз переспрашивать не решалась – была уверена, что жизнь Шевкии в разлуке с дочерью таит в себе какую-то драму. И вдруг она, эта таинственная и почти виртуальная дочь, появилась. Так же неожиданно, как покинула свою квартиру Шевкия. И тотчас люди, особенно мужчины, потянулись к ней, как к магниту, как в свое время тянулись к ее матери. Женых Тани, Сергей Камора, проявлявший интерес к Шевкии исключительно, как считала Таня, как к художнице, дружба с которой возвышала его в глазах университетских друзей, теперь стал любовником Нади.

В это невозможно было поверить, но их связь началась чуть ли не на второй день после того веселья, которое Надя устроила по поводу своего приезда. Жизнь Тани превратилась в настоящую пытку. Так случилось, что однажды ночью Таня проснулась и не увидела рядом с собой Сергея. Она села на постели и стала ждать, что вот сейчас он вернется, сходит в туалет или попьет воды в кухне и вернется. Но время шло, а Камора не возвращался. Тогда Таня начала волноваться. Она представила себе, что Камора вышел из спальни и рухнул прямо в прихожей с сердечным приступом. Она, набросив на себя халат, пошла в переднюю, но Камору там не обнаружила. Обошла всю квартиру и даже открыла дверь, чтобы убедиться, что Сергея нет и на лестнице. Хотя что ему делать там в час ночи? Вернулась, чтобы проверить, в чем он ушел. Оказалось, что в халате. Значит, далеко уйти не мог. А может, стоит на балконе и курит? Но почему тогда не пахнет дымом сигареты? Но и на балконе его не оказалось. И тогда она почувствовала, как руки ее начали холодеть. Она села и с ужасом поняла, что он может быть только у Нади. В час ночи. Зачем он туда пошел? Спросить лекарство? Но почему тогда не разбудил Таню? Ведь она же ему почти жена, самый близкий человек! Значит, Таню он разбудить не посмел, а ломиться в час ночи к соседке, выходит, можно?

Таня вышла из квартиры и замерла перед дверью соседки. Было тихо. Она простояла так довольно долго, пока не

услышала наконец то, чего боялась услышать, – ее смех... Здоровый громкий смех. Он, Камора, Танин жених, почти муж, чем-то насмешил ее. Да, он умел это делать. Часто шутил и заставлял смеяться окружающих. Но почему? Как мог он оставить ее одну и пойти развлекаться с соседкой? Да что он в ней такого нашел?

Она не знала, что ей делать и как себя вести. И вдруг услышала шаги за дверью – кто-то подошел вплотную к двери и сказал:

– Ну ладно, пойду, пока она не проснулась...

Это был Камора, его голос. В ответ ему снова рассмеялись. Той не было дела до какой-то там Тани.

Таня едва успела лечь в постель, как в спальне появился Сергей. Он вошел, прислушался к ее дыханию и снова вышел. На этот раз в ванную. Она слышала, как он плещется под душем, и ей хотелось выть от ужаса и отчаяния. Зачем он моется? Он же принимал душ перед тем, как лечь. Неужели он смывает с себя следы той, другой женщины? Ее запах, вернее, теперь их с Каморой общий запах?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.